

З. Надь
Венгрия, Печ
Университет г. Печ

Васюган на рубеже столетий: ханты или остяки?

Главной темой моего доклада является тот публичный дискурс, который возник вокруг васюганских хантов, проживающих на территории Томской области, и который я хотел бы представить в свете местного употребления терминов «остяк» и «ханты».

Прежде всего следует заметить, что те люди, которых исследователи определяют как группу васюганских хантов, сами практически никогда не употребляют термин «ханты» по отношению к себе. Когда они говорят на русском языке – а васюганский диалект сейчас уже, в сущности, не используется в повседневной коммуникативной практике –, то с совершенной непринужденностью называют себя «остяками», и точно так же называет их окружающее нехантское население. Вопреки сложившемуся мнению, здесь, на Васюгане, этот термин не несет никакого оскорбительного значения. Более того, местные жители терминологически отделяют себя от хантов, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа, называя последних либо просто «хантами», либо «ханты-манси» [Nagy 2002.]. Таким образом, нельзя одозначно утверждать, что используемые наукой этнические категории в полной мере применимы к данным группам, и что местная категоризация во всем соответствует научной. Ввиду этого, в докладе я сознательно употребляю термин «остяки».

Демографическая ситуация Томской области обусловлена прежде всего массовыми выселениями 1930-х и 1940-х гг., затем в 1960-х гг. произошел резкий всплеск трудовой миграции, вызванный бурным ростом нефтяной и газовой промышленности, что лишь ускорило тот процесс, в результате которого здешние «остяки» практически растворились в местном «не остяцком» населении.

«Остяки» занимают весьма незначительное место в публичной жизни области. В официальной и популярной памяти (*popular memory*) – которые не следует смешивать с форумами научной историографии – в качестве предпосылки «подлинной» русской истории выступают почти исключительно лишь археологические культуры. «Остяки» не являются значимыми факторами и на политической арене. Политический вес организаций, объединяющих местных аборигенных жителей, незначителен. Такая «невидимость» коренного населения особенно разительна, если сравнить ее с ситуацией, наблюдающейся в ХМАО, где название и культура титульных народов выступают, так сказать, в качестве бренда: можно взять к примеру название *Югра*, укрепившееся за территорией ХМАО.

В чем причина этой «невидимости» «остяков»? Полагаю, что на этот вопрос можно дать по крайней мере три ответа.

Во-первых, такая негласность обусловлена тем, что включение коренного населения в публичную историю поставило бы местных жителей перед серьезной проблемой: им было бы трудно идентифицироваться с прошлым, в котором присутствуют «остяки». Во-вторых, «невидимость» коренного населения объясняется также отсутствием экзотики: прототип «сибирства» и «аборигенности» – активно пропагандирующийся средствами массовой информации – для большинства воплощается, во-первых, в малочисленной, но сохранившей самобытность образа жизни и одежды, группе эвенков, во-вторых – в хантах ХМАО, что ярко отражается как в художественной литературе, так и в популярной культуре. Третья, и, возможно, наиболее веская причина, что в памяти округа, района, и Нового Васюгана ключевая роль принадлежит депортациям, современное самосознание региона формируется на основе «репрессий». В господствующем повествовании о депортациях нет места аборигенному населению: по-видимому, пережитые в прошлом страдания утратили бы свою значимость, если бы они не были первопроходцами, если бы оказалось, что до их появления этот край уже был цивилизованным, гуманизированным.

Воспоминания аборигенных жителей остаются невидимыми, умалчиваются в публичной жизни, не имеют места в дискурсах о «родине», «родном крае». Аборигенные

жители не причастны к памяти и ценностной системе местного общества, а следовательно и к самому обществу [Renan 1995.; Assmann A. 1999.; Assmann J. 2004.].

Сознание изолированности от общества и исключения их из исторической памяти стало для «остяков» повседневным явлением. Воздействие приведенных выше факторов, без сомнения, разрушило основы «остяцкой» идентичности, а это, в свою очередь, привело к тому, что для молодого поколения «остяков» признание своей этнической идентичности становится весьма затруднительным, и часто даже вызывает резкое сопротивление.

Приемлемость идентичности и включение памяти «остяков» в коллективную память затрудняется также оценкой, сформировавшейся в локальном обществе по отношению к «остякам». В общественном мнении села, района и области «остяки» выступают в качестве бытовой, а не этнической группы. Такое отношение носит в себе и нейтральные оценочные компоненты, как, например, представление о тесной связи «остяков» с лесом, с тайгой. Более значимыми являются, однако, отрицательные коннотации, связанные с «остяками» как социально-бытовой группой: в восприятии местного населения «остяки» выступают преимущественно как культура бедности, как маргинальная, люмпенизированная культура.

В сложившихся обстоятельствах единственную возможность выхода на публичную арену этнические предприниматели видят в направлении экзотизма. Основное стремление объединений национальных меньшинств области направлено на то, чтобы при помощи сценической культуры, предметов народного творчества и этнотуризма сделать видимыми местные национальные меньшинства и предоставить вместо люмпенизированной культуры иную возможную интерпретацию. Эта задача несколько облегчается тем, что различия между местными аборигенными меньшинствами постепенно стираются, и возникает, так сказать, одно общее коренное меньшинство.

Данный анализ базируется преимущественно на материале, собранном мной в рамках полевых исследований в 1990-х и 2000-х годах, но в период последних полевых исследований стали заметны и другие процессы. На территории района и Нового Васюгана наблюдается, что агенты, формирующие локальную память о выселениях и репрессиях, обратили внимание на «остяков». Во время последних полевых работ я заметил, что «остяки» иногда выступают в краеведческих мероприятиях нововасюганской школы, а истории «остяцких» семей появляются в изданиях и конференциях проекта «Прощение и память», направленного на сохранение памяти района. По-видимому, все-таки возможно создание нарратива, включающего «остяков» в память региона, несмотря на то, что их прежняя изолированность не менее мотивирована. Их деревни также были разрушены, они жили и страдали вместе с переселенцами, их прежняя жизнь также была полностью перечеркнута теми двумя роковыми десятилетиями XX. века. Таким образом и тот, и другой – действительно и одинаково трагический – индивидуальный опыт, физическое и моральное изгнание так называемых «спецов» из родных мест, и символическое вытеснение из родного края, выпавшее на судьбу остяков, не исключают, а дополняют друг друга и равным образом могут стать частью господствующего нарратива [master narrative; Alexander 2004.] травмы репрессий.

Alexander J.C. Toward a theory of Cultural Trauma // Alexander J.C., Eyermann R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P., Cultural Trauma and Collective Identity, Berkeley, 2004: 1.

Assmann, A. Funktionsgedächtnis und Speichergedächtnis. Zwei Modi der Erinnerung // Aleida Assmann: Erinnerungsräume. Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses. München, 1999. 130-145.

Assmann, J. *A kulturális emlékezet*. Budapest, 2004.

Nagy Z. “Miféle hantik vagyunk mi?” A vaszjugáni hantik és a világ. // Pócs Éva (szerk.): *Közösség és identitás*. Studia Ethnologica Hungarica III. Budapest, L'Harmattan – PTE Néprajz Tanszék. 2002: 33-77.

Renan, E. Mi a nemzet? // Bretter Z. – Deák Á. (szerk.), *Eszmék a politikában: a nacionalizmus*. Pécs: Tanulmány Kiadó, 1995: 171-187.